

БАЛТИЙСКАЯ КАМПАНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В ГВАРДЕЙСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ ФЕТА

В Предисловии к первому тому «Моих воспоминаний», рассуждая об особенностях человеческой памяти, Фет образно сравнивает свои мемуары с фотографическими снимками, «картинами в прошедшем», отображающими подробности, которые «легко ускользают в живом калейдоскопе жизни». ¹ Мельчайшие фрагменты прошедшего, хранимые в памяти и собираемые в единое целое, по его мнению, могут выразить «сокровенные пути», из которых складывается жизнь отдельного человека. При этом Фет-мемуарист не выносит прямых оценок описываемым явлениям жизни, а скорее придерживается позиции беспристрастного «третейского судьи»: «...всякий живой предмет представляет для наблюдателя множество разнородных сторон». ² В то же время, анализируя ход событий, определивших его судьбу, Фет решает философский вопрос, о постановке которого заявляет в том же Предисловии. Это вопрос о высшей воле, которую он противопоставляет собственной: «Мысль о подчиненности нашей воли другой, высшей, до того мне дорога, что я не знаю духовного наслаждения превыше созерцания ее на жизненном потоке». ³ Таким образом, причиной, по которой поэт обратился к воспоминаниям, было желание самому разгадать смысл собственной, далеко не безмятежной жизни.

После трехлетнего обучения в частном пансионе Крюммера в городе Верро (1835—1837) Фет, казалось бы, навсегда покинул лифляндский край, однако спустя почти двадцатилетие развернувшаяся Бал-

---

¹ *МВ*. Ч. 1. С. IV.

² Там же. С. III.

³ Там же. С. VI.

тийская кампания Крымской войны способствовала новой встрече со знакомыми по детству местами. В 1853 году Фет перевелся в лейб-гвардии Уланский полк, расквартированный в Новгородской губернии. В это сложное для России время произошел разрыв дипломатических отношений с Англией и Францией (февраль 1854 года) и последующее объявление войны (март 1854 года). 28 марта, после очищения моря ото льда, английская и французская эскадры под командованием вице-адмирала Чарльза Нейпира направились на Балтику (объединенный флот насчитывал 88 различных кораблей). Главные интересы союзников были сосредоточены вокруг Кронштадта и Петербурга, непосредственными военными задачами была организация блокады Финского залива, ограничение выхода российских судов в Северное море, препятствование морской торговле.

К началу военных действий на Балтике летом 1854 года русский Балтийский флот базировался в Кронштадте и Свеаборге. Историки отмечают его техническую отсталость — в частности, отсутствие современных линейных кораблей (в основном флот состоял из парусных судов⁴). Сложное положение русских войск на Балтике усугублялось значительным превосходством числа орудий противника. Как пишет современный исследователь Т.-А. Таннберг, по сравнению с обороной Петербурга и Финляндии, остзейские губернии были защищены гораздо меньше: общее количество войск, там размещенных, не давало возможности русским войскам противостоять десанту союзников.⁵ По этим причинам командованием России был разработан оборонительный план военных действий, заключавшийся в переброске сухопутных войск и организации на береговой линии наблюдательных постов.

Части гвардейских войск, в которых служил Фет, получили известие о предстоящем походе в день св. Мартиниана, 13 февраля 1854 года (день полкового праздника). Поход занял около месяца — 20 марта полк достиг Ревеля.⁶ Эскадрон улан был расквартирован в районе

---

⁴ *Таннберг Т.-А.* Остзейские губернии в период Крымской войны // Россия и Балтия. М., 2008. Вып. 5: Войны, революции и общество. С. 48–80.

⁵ Всего, по сведениям Т.-А. Таннберга, в обороне остзейских губерний в Эстляндии к лету 1854 г. было задействовано 20 000 человек; к концу года это количество возросло до 37 500, однако к весне 1855 г. вновь было сокращено до 20 000. По приводимым историком документам (письмам к Ф. В. Р. фон Бергу, главнокомандующему войсками, дислоцированными в Эстляндской губернии, и военному губернатору Ревеля) становится ясно, что правительство России ожидало масштабного десанта войск союзников и захвата как городов (Ревель, Рига), так и островов (Эзель (совр. Сааремаа) и Даго (совр. Хийумаа)).

⁶ *Крестовский В. В.* История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. СПб., 1876. С. 263, 265. Далее сокращенно: *Крестовский*, с указанием страницы.

Балтийского Порта (современный город Палдиски в Эстонии) у местного дворянства.

Наблюдения за устройством быта эстляндских дворянских хозяйств позволили мемуаристу не только сосредоточиться на их культурных особенностях, но и взглянуть со стороны на особенности российской действительности. Так, Фет пишет о некоторой сумятице как общей черте, проявляющейся в организации быта расквартированных русских войск. В рамках этих же рассуждений прочитываются рассыпанные по воспоминаниям неодобрительные замечания о неразумности и непоследовательности некоторых приказов высшего российского военного руководства (например, неожиданный приказ начальника дивизии потопить стоявшее у берегов Балтийского Порта финское торговое судно), а также общая оценка недалёковидности привлечения кавалерийских войск для обороны береговой линии: «Строго подчиняясь распоряжениям свыше, я был обстоятельствами вынужден критически отнестись к своему положению. Нельзя толково исполнять то, чего не понимаешь, а я никак не мог понять, почему в охрану береговой линии от десанта, — очевидно пехоты, вооруженной дальнотрельными ружьями, — выставлена кавалерия, вооруженная пиками и саблями, так как наши карабины можно только было считать лишней обузой, но никак не вооружением. Не очевидно ли, что небольшой десант никак не отважится на далекое наступление, а будет держаться поблизости шлюпок и стрелять издали по всякому вооруженному, не рискуя ни малейшим отпором».⁷

Фет не раз высказывался о том, что в поэтическом творчестве доверяет не разуму, а вдохновению («бессознательному инстинкту»), а в практической жизни требует «разумных оснований, подкрепляемых опытом».⁸ Его житейская логика протестует против перебрасывания гвардейских эскадронов в жестокий мороз, так как это неразумно для сбережения лошадей и экономии людских сил.⁹ Критикует он и канцелярские неурядицы, из-за которых продвижение полка постоянно осложнялось и зачастую носило «лихорадочный» характер.

В воспоминаниях Фет описывает несколько лифляндских дворянских семей (Раммы, Берги, Энгельгардты), неизменно восхваляет их гостеприимство и любезность по отношению к русским офицерам.

Первая эстляндская фамилия, возникающая в гвардейских воспоминаниях — фон Рамм. После прибытия в Эстляндию эскадрон Фета (в шестом эскадроне он являлся командиром третьего взвода¹⁰) был

---

⁷ МВ. Ч. 1. С. 56.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. С. 41, 45.

¹⁰ Там же. С. 53.

размещен на фольварках мызы Лец (Leeц; Leetse) близ Балтийского Порта. С большой симпатией он описывает хозяина мызы — «холостого стройного блондина лет сорока»¹¹ и его сестру; упоминает, что Рамм закончил курс в Дерптском университете, подчеркивает его такт и скромность, образованность, ненавязчивую гостеприимность и простоту нравов. Речь идет об уездном депутате Якобе Иоганне фон Рамме (Jakob Johann von Ramm; 1811—1870), жившем на мызе Лец со своими сестрами-вдовами Марией фон Паткуль (1805—1878) и Юлией Унгерн-Штернберг (1809—1872).

В Эстляндии Фет познакомился и с семьей однофамильца Якоба Рамма — Эдуарда Отто Карла фон Рамма (Eduard Otto Karl von Ramm; 1814—1884), владельца мызы Падизе (Padise). В мемуарах он описывает его как блондина «лет тридцати пяти», упоминает и его красавицу жену с ее «непринужденною приветливостью и любезностью».¹² Несколько раз Фет посещает мызу Падизе (Padis-Kloster, Padis), расположенную рядом с развалинами мужского цистерцианского монастыря XIII века Падизе Клоостри.

Фет описывает обед в хозяйском доме Раммов и галерею фамильных портретов, среди которых находился портрет «мужчины средних лет в петровском полукафтаны. Наверху золотой рамы этого портрета кидалась в глаза большая камышовая трость. Когда я спросил хозяина дома о значении этой трости, он засмеялся и сказал: „Не вы одни спрашиваете, что значит это странное украшение, и мне не раз приходилось рассказывать его историю. — Во время проезда Петра Великого по нашему побережью прадед мой, вот этот самый краснощекий мужчина в мундире, был нашим дворянским предводителем, и, когда Петр, приехавши в Балтийский Порт, потребовал от моего прадеда почтовых лошадей, тот отвечал, что почтовых нет. — „Как? для меня нет?“ — воскликнул Петр, и его трость уже познакомилась со спиною моего прадеда, dokonчившего фразу: „Я приготовил собственных лошадей“. — „Ну прости великодушно! — воскликнул в свою очередь Петр. — Проси у меня, чего хочешь“. — „Подарите мне эту трость на память“, — сказал мой прадед. — И вот почему вы видите ее наверху его портрета».¹³

В этом эпизоде Фет воспроизводит известную в разных вариантах легенду о пребывании Петра I в Ревеле, связанную с предком Раммов Рейнгольдом фон Раммом (1665—1755). Варианты ее можно найти в книге «Властители Российской империи на эстонской земле» С. Г. Исакова и Т. К. Шор. Согласно одному из них, Рамм отказался

¹¹ *МВ*. Ч. 1. С. 52.

¹² Там же. С. 66.

¹³ Там же. С. 66—67.

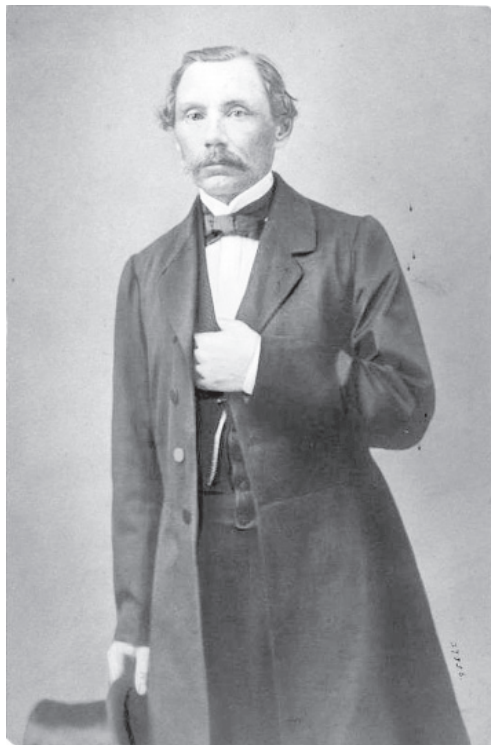

Мыза Лец. Задний фасад. 1910 г.

Мыза Лец. Современная фотография

выполнить приказание царя о продаже строителям Рогервика провиантанта и за это был побит, а затем вышел из положения, заявив, что намеревался безвозмездно поделиться провизией. По другой версии, Рамм отказался угощать монарха обедом: «Царь разгневался, наказал своей тяжелой дубинкой ослушника, все-таки остался у него обедать

Эдуард Отто Карл фон Рамм

Мыза Падизе. Фотография. Около 1890 г.

Рейнгольд фон Рамм

и за столом, сменив гнев на милость, так обворожил хозяина, что тот стал просить у царя прощения. В свою очередь отходчивый Петр спросил Рамма, что тот хотел бы получить от царя в подарок, и Рамм попросил у него на память дубинку».¹⁴

Память мемуариста удерживает множество подробностей дворянского быта. Так, например, его приятно удивляет то, что молодые дворянки во время трапезы сами ухаживают за гостями: «Дочери богатого графа, обносящие вокруг стола кушанья, ясно указывают на то, что дворяне полагают унижение своего достоинства не в этом акте и ему подобных, а в чем-то другом, хотя преисполнены чувством собственного достоинства никак не менее наших <...>».¹⁵ Еще одно яркое впе-

---

¹⁴ *Исаков С. Г., Шор Т. К.* Властители Российской империи на эстонской земле. Таллинн, 2009. С. 63. Об этой же легенде упоминает эстонский писатель Яан Кросс в романе «Окна в плитняковой стене».

¹⁵ *МВ.* Ч. 1. С. 51.

чатление произвела на Фета встреча с дочерью одного из местных помещиков, которая в общем разговоре свободно рассуждала о Шиллере и жизненных идеалах. Фет потом поделится ощущением от этого знакомства с Тургеневым и зафиксирует в мемуарах его слова: «...сколько веков культуры должны были наслоиться один на другой, чтобы такое явление стало возможным».¹⁶

Намеренно отказываясь выносить политические оценки, мемуарист живописует и непосредственные бытовые впечатления, и культурные наблюдения. Отбирая для фиксации моменты прошлого, Фет зачастую руководствуется логикой помещика, имеющего большой опыт организации фермерского хозяйства. Он отмечает благоустроенные, несмотря на бедность местной почвы, поля, прекрасные дороги, целесообразное расходование лесных и водных богатств, прочно сложенные из полевых камней усадьбы и дома. Возможность разумной организации жизненного пространства, умеренность и достаток — вот что становится темой размышлений мемуариста.

В 1856—1857 годах в «Современнике» печатались очерки «Из-за границы», в которых в жанре путевого дневника Фет описывал свои впечатления от длительной поездки по Германии и Франции, предпринятой для лечения перед выходом в отставку. В них Фет фиксировал не только частные подробности заграничной жизни, но и культурное сознание того или иного народа. По наблюдению И. С. Абрамовской, именно в путевых очерках «начала формироваться повествовательная манера, получившая развитие в мемуарах» — манера «вглядываться в чужую жизнь, „чужое пространство“, которое не ощущается как „свое“».¹⁷ Так, к национальному идеалу немцев он отнес «порядок и благосостояние»,¹⁸ а лейтмотивом парижских впечатлений стали светлые хлопоты. Здесь же, в гвардейских воспоминаниях, доминантой обозначения чужеродной среды становится благоразумность, порядок, рациональность устройства жизни. Обобщая балтийские наблюдения, Фет находит художественный образ, метафорически воплощающий жизненный уклад местного дворянства: «...весь жизненный строй напоминает растение, расцвет которого не мешает ему глубоко пускать корни в почву, запасаясь все новыми силами».¹⁹

Наибольший интерес среди упоминаемых на страницах мемуаров остзейских дворян вызывает фигура градоначальника Балтийского Порта Карла Калка. Фет вспоминает, что в доме Рамма познакомился

¹⁶ *МВ*. Ч. 1. С. 119.

¹⁷ *Абрамовская И. С.* Странствующий домосед, или Фет-путешественник // *Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения*. Курск, 2005. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ *МВ*. Ч. 1. С. 51.

с оригинальной четой из Балтийского Порта, сетует, что не помнит фамилии, и называет их Мейерами. Вероятно, он ошибочно удерживает в памяти фамилию ревельского бургомистра Карла Аугуста Майера. Выяснить настоящую фамилию нового знакомого Фета помогает перечисление его разнообразных заслуг: в мемуарах указывается, что Мейер «был градоначальником, органистом и проповедником в домовой лютеранской церкви <...> судьей в возникавших на кораблях несогласиях и смутах».²⁰

Карл Фридрих Калк (Carl Friedrich Kalk; 1804–1885), судебный инспектор и градоначальник Балтийского Порта, оставил большой след в истории города. После изучения теологии в Дерптском университете, некоторое время он работал домашним учителем, затем нотариусом и около тридцати лет – судебным инспектором. Человек удивительно разносторонний, он увлекался метеорологией, являлся корреспондентом Петербургской главной физической обсерватории, в течение полувека непрерывно вел наблюдения за замерзанием и вскрытием залива (1835–1885).²¹

После расквартирования русских войск близ Балтийского Порта именно Калку поручили решать все хозяйственные вопросы. Газета «Tallinna Sõber», в которой после смерти Калка появился обширный некролог,²² подчеркивает, что ему удавалось также минимизировать вред, который причиняли порой местным крестьянам слишком бравае солдаты (Фет приводит один такой эпизод с воровством клеверного сена).

С личностью Калка связан наиболее яркий эпизод гвардейских воспоминаний Фета об Эстляндии – инцидент с появлением английских кораблей на рейде в Балтийском Порте в июне 1854 года. Этот эпизод балтийской кампании, хоть и бескровный, но оказавшийся самым острым у эстляндских берегов, нашел отражение во многих источниках: в дерптской еженедельной газете «Das Inland»,²³ в составленной писателем Вс. Крестовским истории лейб-гвардии Уланского полка (1876), а также в историческом очерке о Балтийском Порте штабс-капитана по адмиралтейству Н. В. Тарасова.²⁴ Интересно, что во всех этих источниках он описывается по-разному.

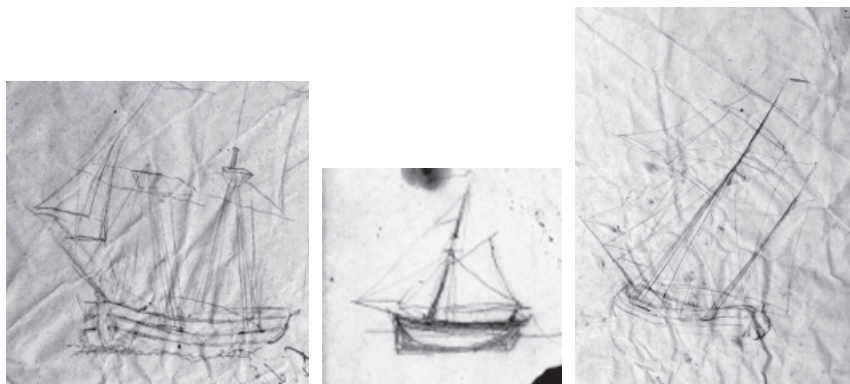
²⁰ Там же. С. 55.

²¹ В современной эстонской периодике недавно вышла статья о К. Ф. Калке; см.: *Tarand K.* Karl Friedrich Kalk – vähetähtsa linna väga tähtis mees // *Eesti Päevaleht*. 2004. 11 september.

²² Karl Friedrich Kalk // *Tallinna Sõber*. 1886. 17 detsember. № 3. L. 1–2.

²³ *Das Inland*. 1854. 5. Juli. № 27. S. 447.

²⁴ *Тарасов Н. В.* Балтийский порт: Исторический очерк. СПб., 1914.

Английские корабли. Рисунки К. Ф. Калка

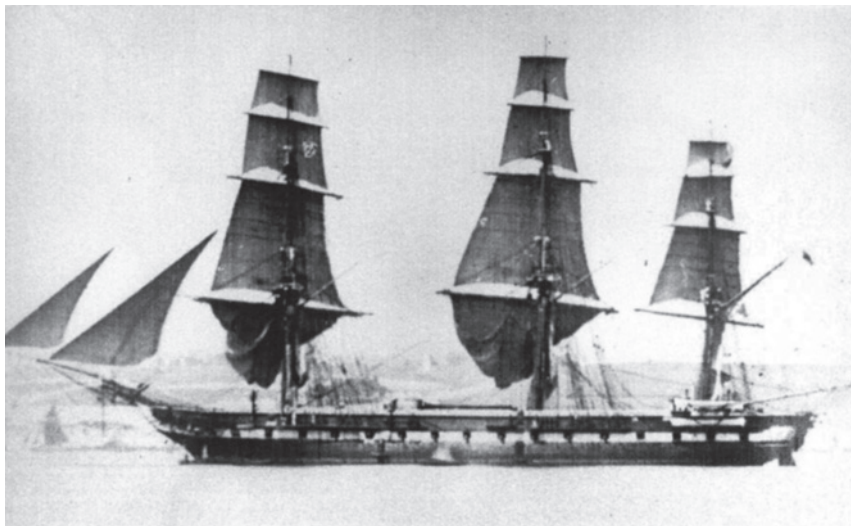
Тарасов приводит выдержку из донесения городского главы Карла Калка гражданскому эстляндскому губернатору, из которой мы узнаем фактическую сторону дела: 24 июня английский винтовой фрегат «Euryalus» («Юриалус», 51 орудие и экипаж 530 человек), которым командовал капитан Георг Рамзай, и паровое судно «Albou» (3 орудия) приблизились к острову малый Рого (Вяйке-Паكري) и остановились в версте от берега, дав выстрел в море. Затем была спущена шлюпка с белым парламентарским флагом, в которой, тем не менее, находились зажигательные снаряды и холодное оружие.²⁵ Отметим, что «Юриалус» считался передовым кораблем того времени: построенный в 1853 году, он являлся винтовым пароходофрегатом — имел и парусное оборудование, и паровой двигатель, и гребной винт.²⁶ Лейтенант фрегата потребовал выдачи торговых судов, стоящих в порту, угрожая в случае отказа разрушить и сжечь город. Русские войска были подняты по тревоге и стянуты к береговой линии. Затем в доме Калка прошли переговоры; стороны договорились о мирном разрешении конфликта: английским судам было разрешено стоять на рейде, капитан одного из судов осмотрел черту берега, после чего оба корабля ушли в море.²⁷

Из донесения Калка становится ясно, что ситуация в какой-то момент была достаточно опасной: англичане намеревались разрушить город, однако все же не решились на этот шаг, так как, вероятно, посчитали порт хорошо укрепленным.

²⁵ Тарасов Н. В. Балтийский порт: Исторический очерк. С. 25–27.

²⁶ History of the Second Euryalus. См.: <https://www.lancs-fusiliers.co.uk/feature/HMS%20Euryalus/HMS%20Euryalus.htm> (дата обращения: 24.03.2021).

²⁷ Тарасов Н. В. Балтийский порт: Исторический очерк. С. 27.

Английский фрегат «Euryalus» (1853)

В. В. Крестовский в составленной им истории лейб-гвардии Уланского полка подчеркивает, в какой сложной ситуации оказался командир шестого эскадрона ротмистр Матвеев: не уступая торговые суда англичанам, он рисковал жизнями горожан.²⁸ Крестовский отдает должное роли Калка в разрешении ситуации: благодаря его посредничеству, дипломатии и знанию английского языка (в то время в Эстляндии это было редкостью), конфликт был улажен, угроза не приведена в исполнение, орудия не были применены.

В июльском номере газеты «Das Inland» за 1854 год этот инцидент представлен достаточно драматично: мы узнаем, что 22 июня английские корабли выпустили несколько залпов по одной из находившихся в море лодок, о чуде спасшихся из нее моряках, о предъявленном 23 июня требовании англичан выдать им три торговых судна и угрозах в противном случае одним залпом сжечь городок, население которого составляло триста десять жителей.²⁹

Фет, занимая должность командира третьего взвода, принимал непосредственное участие в событиях. Их описание в мемуарах подчинено особой авторской логике. Фиксируя инцидент, Фет почти опускает фактическую сторону произошедшего и не сгущает краски, а, напротив, представляет случившиеся события курьезно: даже воз-

²⁸ Крестовский. С. 267.

²⁹ Das Inland. 1854. 5. Juli. № 27. S. 447.

andere Fregatte, welche sich aber bald zurückzog. Ein Kanonenboot, das auf die Sandbank gerieth, machte sich bald wieder flott.

G e s a n d.

Neval, 25. Juni. Am 22. v. M. fügte die feindliche Flotte ihren bisherigen Heldenthaten unter unseren Augen eine neue hinzu: 2 Schiffe attackirten mit scharfen Kanonenschüssen ein unschuldiges Holzboot, dem Besizer des von hier ganz nahe am Strande belegenen Gutes „Niemi“ gehörig, welches Brennholz hierher bringen wollte, was es schon oft ungefährdet gethan hatte. Das Boot strengte zwar alle Kräfte an, um das Ufer zu erreichen, da es aber fortwährend beschossen wurde, ohne indessen getroffen zu werden, wohl aber bald eingeholt werden konnte, so warfen sich die wenigen Bootleute in die kleine See, welche sie bei sich führten, und retteten sich an's Ufer. Das eine feindliche Schiff setzte darauf ein Boot aus und strakte das Holzboot sammt der Ladung in Brand. Als unsere Kosaken sich näherten, eilte Alles wieder an Bord der Schiffe, die sich auch sofort entfernten. — Am 25. früh kamen mehrere feindliche Schiffe vor Vallsjöport zur Blokade des dortigen Hafens an und setzten unter Parolament, todtjagte einen Offizier mit Begleitung an's Land, der vom dortigen Gerichtsvoigte die Herausgabe der dort liegenden Schiffe verlangte. Auf die ihm ertheilte Antwort, „daß sich dort nur 3 Kaufahrer befänden und dieselben verstorben seien,“ erwiderte der Offizier; „auch diese könnten sie brauchen und sie würden bald wieder kommen, um dieselben zu heben, aber beim ersten Schuß auf sie, würden sie das Städtchen — das im Ganzen 310 Einwohner hat — in Brand stecken.“ Auf die darüber sofort hierher gegebene Nachricht wurden noch in der Nacht die nächsten Truppen nebst Artillerie dorthin dirigirt, um bei seinem angemeldeten Besuch den Feind zu begrüßen, der aber bis jetzt, Mittags 12 Uhr, noch nicht erschienen ist.

Neval, am 26. Juni. Die feindlichen Schiffe halten fortwährend Wache am Eingang unserer Bucht, und neulich sind einige sogar näher gekommen, um das Hafengewässer wie es scheint zu sondiren und die Ufer Batterien zu recognosciren. Von Suruy aus wurde am 12. Juni telegraphirt, daß 15 feindliche Linienfahrer und 11 Schrauben-dampfer einzeln fahrend in Sicht seien. Von Pärkört aus sah man am 14. Juni die feindliche Flotte nach Ost gehend, ein feindlicher Schooner und Dampfer kreuzten, sondirten und stellten Wachen über Untiefen aus.

Дерптская газета «Das Inland». Обложка и заметка об инциденте с английскими кораблями в Балтийском Порте в № 27 от 5 июля 1854 г.

никшая поначалу растерянность и паника русских войск описаны с юмором. Его внимание привлекает психологическое состояние вышедшего на берег парламентаря — английского лейтенанта, с которым, по воле случая оказавшись рядом, он вступает в характерный диалог. За обменом дежурными репликами о здоровье монархов и вопросах о ловле рыбы следует попытка выяснить национальность прибывших в лодке матросов:

Дюжие моряки показались мне почему-то шотландцами, но спросить об этом я моего собеседника не умел. Однако, указывая на них пальцем и глядя в глаза лейтенанту, я вопросительно произнес:

— Вальтер-Скотт?

И мой собеседник догадался.

— Ес, ес, — закивал он головою, — ту паи, ту Вальтер-Скотт.

Считая себя в качестве поручика императорской гвардии старшим против королевского лейтенанта, я разрешил себе закурить папироску,

причем счел за безвредную любезность предложить такую же моему собеседнику.³⁰

Не испытывая к англичанину неприязни, Фет предлагает ему выкурить папиросу — своеобразную «трубку мира». Затем он пишет о неожиданных последствиях этого дружественного поступка: «Между тем моя невинная папироска, предложенная англичанину, чуть не наделала мне беды. Из Петербурга последовал вопрос вследствие берлинской журнальной статьи о Bruderschaft's Pfeifchen (дружественной трубочке), выкуренной гвардейскими офицерами с англичанами. Какая, подумаешь, забота о безупречной чистоте нашего патриотического чувства!». ³¹

В воспоминаниях Фет с равной долей внимания описывает как военные инциденты, так и мирные занятия — дерптские встречи с немецким ученым астрономом Иоганном Генрихом фон Медлером (1794—1874), сцены охоты и трапез, моменты общения с полковыми друзьями. Так, например, подробное описание охоты с пойнтером Непиром сменяется зарисовкой празднования флотом союзников дня рождения адмирала Непира, — это событие всполошило русские войска. Заведенной во время похода собаке Фет дает имя английского адмирала, таким образом «военное» и «мирское» уравниваются.

После июньского инцидента 1854 года союзники не решились предпринимать серьезных действий на южном берегу Балтики, так как полагали, что города хорошо укреплены. Учения проходили нечасто, поэтому времени у офицеров полка было много: они проводили его за чтением, игрой в карты, а также охотой.

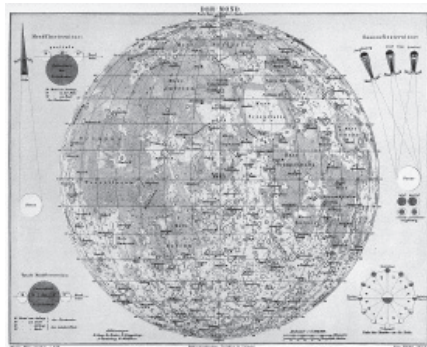
Фет часто бывал в Петербурге — воспоминания о военном походе перемежаются с описаниями петербургских литературных встреч, знакомств и споров. Пребывание в Эстляндии совпало с очень важным, определившим последующую литературную судьбу периодом в жизни поэта: сближение в Петербурге с кругом «Современника», повлекшее за собой знакомство с многими литераторами, сотрудничество с ведущими журналами, подготовку к печати нового поэтического сборника.

Вынужденная праздность из-за отсутствия активных боевых действий способствовала появлению так называемых «приморских стихотворений», публиковавшихся в «Современнике», а затем вошедших в сборники 1856 и 1863 года (в последнем Фет включил их в цикл под названием «Море»). Это стихотворения «Ночь весенней негой ды-

---

³⁰ МВ. Ч. 1. С. 75.

³¹ Там же. С. 76—77.

Иоганн Генрих фон Медлер.
Карта Луны В. Бера и И. Медлера

шит...», «Жди ясного на завтра дня...», «Морской залив», «Вечер у взморья». «Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворения, принятые в тогдaшнее время тургеневским литературным кругом так сочувственно»,³² — писал Фет в воспоминаниях.

Фет отмечает, что если в юношеские годы, проводя время в Верро, лишь накапливал впечатления, воспринимая их непосредственно, то, оказавшись в тех же краях в зрелом возрасте, уже «сводил» их итоги. Изображение в мемуарах Балтийского похода лишено политической предвзятости и тенденциозности и тем особенно интересно. Фрагментарный характер воспоминаний не создает цельной картины жизни: поэт часто увлекается подробностями быта, характеров, судеб, воссоздает курьезные моменты, культурные впечатления, отдает должное местным легендам. Тем не менее, по убеждению Фета, именно такой «калейдоскоп жизни» помогает уяснить «неразрывную цепь причинности, коей каждое отдельное звено в данную минуту кажется нам безразлично случайным, но которым тем не менее строго обусловлено все нисходящее до последнего звена».³³

³² МВ. Ч. 1. С. 59.

³³ Там же. С. 144.